

БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА

— Москва... Москва! Я опьянела здесь от воздуха, от русского языка.

За окном — солнце. Американская писательница Бел Кауфман в редакции «Иностранной литературы», и на этот раз беседа наша идет без переводчика. Внучка Шолома Алейхема, в раннем детстве покинувшая царскую Россию, свободно объясняется по-русски.

— Моя мать, дочь Шолома Алейхема, любила говорить, что пожертвовала английским (она умерла несколько лет назад, так и не овладев в полную меру языком приютившей ее страны), чтобы дети ее не забыли русский. И она разговаривала с нами, со мной и с моим братом только по-русски.

Когда же мы в очередной раз подтверждаем Бел Кауфман, что она чудесно говорит по-русски (гостья волнуется: «Я много читаю по-русски, но с тех пор, как умерла мама, у меня нет практики»), она кивает головой:

— Да-да, русский язык не забывается.

А помнит ли она что-нибудь из того времени, когда ее семья жила в России?

— Я помню сугробы зимой. В Москве у меня было пальто на меху. Помню воздушные шары, семечки...— Пауза. И вдруг задумчиво: — Семечек нет в Нью-Йорке. И клюква в Нью-Йорке не та. Моя мама все говорила: «Ну, как можно делать кисель из кренберри? Разве это кисель?» — Бел Кауфман разводит руками. Она уже улыбається.

— А что это за ягода, кренберри? — спрашивают те, кто не знает, что так по-английски называется клюква. — Где она растет?

— В магазинах, в консервных банках, — шутит Бел и продолжает, чуть лукавя. — И грибы, и кислая капуста в Америке не те. В Нью-Йорке есть русский ресторан. Там подают борщ и многое другое. Но разве это борщ? — Опять энергичный жест рукой, и вы уже не можете не по-

думать, что так, очевидно, взмахивала руками ее мать, когда произносила эту фразу.

— А вы думаете по-русски?

— Если я разговариваю с кем-нибудь по-русски, я и думаю по-русски. И вот что интересно: когда мне надо сосчитать, скажем, сколько будет шестью восемь, я ловлю себя на мысли, что считаю по-русски, — таблицу умножения я же учила еще в России, а потом перевожу на английский.

Да, человек родился в России. Раннее детство провел в России. Этого не вычеркнуть из жизни.

Бел Кауфман по профессии учительница. Она и сейчас не оставляет любимую работу, правда, теперь она преподает не в школе, а читает лекции в университете. И ее произведения до повести «Вверх по ведущей вниз лестнице»*, это рассказы — тоже об американской школе, о детях.

— Сколько я себя помню, я всегда что-нибудь писала, даже стихи, — рассказывает наша гостья. — Когда мне было лет семь — мы жили тогда в Одессе, — я сочинила «поэму», и ее напечатали в каком-то детском журнальчике.

Дома душно и так скучно все сидеть, сидеть одной, на дворе ж тепло и звучно и так радостно весной.

Бел Кауфман, видимо, приятно произнести эти незамысловатые строчки: они из ее детства.

* Повесть была опубликована в «Иностранной литературе» № 6 за 1967 год.

— Пишу я медленно, трудно. Моя мать, которая тоже была писательницей, сочиняла небольшие рассказы — любовные, житейские. Работала она с удивительной легкостью, к одному рассказу никогда не притрагивалась дважды. И когда на ее глазах я три месяца снова и снова переделывала один и тот же рассказ, она с грустью спросила меня: «Белочка, у тебя нет таланта?»

Хотя повесть «Вверх по ведущей вниз лестнице», как утверждают критики, читается легко, я над ней долго потела, почти два года. Я все время переписывала, сокращала, стараясь сказать одно слово вместо трех. Чтобы такая, например, фраза: «Вы можете угадать по моему почерку, белый я или нет?» — говорила сама за себя.

В повести это и в самом деле одна фраза — домашнее задание «Напишите свои краткие соображения по поводу интеграции в школах», выполненное Застенчивым Никто. Впрочем, не только какая-то отдельная фраза, все в повести должно, по замыслу Бел Кауфман, говорить само за себя: «Я поставила перед собой задачу не произносить, как автор, ни единого слова». И вот идут страницы «чистого» диалога, как бы стенограмма урока или разговора, подслушанного на перемене, воспроизводятся выписки из приказов, объявления, разного рода записочки, письма, школьные сочинения, записи на доске. И читатель не только по содержанию, нет, порой и по почерку (книга набрана самыми разными шрифтами) может судить о том, писал это преподаватель или ученик.

Обращение к такому рода документальной манере («Знаете, критики даже думали, что я специально собрала все эти бумажки... Может быть, вымысел здесь получился не слабее правды оттого, что я сама учительница») смущало Бел Кауфман, когда она работала над книгой:

— Я боялась двух вещей. Того, что люди заметят стиль. А это как нижняя юбка — она должна быть, но ее не должно быть видно. Но главное: я не была уверена, что мне удастся при такой форме повествования передать глубину характеров.

Работая над повестью, я начертила план школы, в которой происходит действие, вела учет того, кто из ребят какие делает ошибки, кто как говорит.

Повесть Бел Кауфман неоднократно переиздавалась, по ней был сделан фильм, она вызвала широкий отклик у людей, озабоченных не просто тревожным — бедственным положением американской школы. Писательница получает письма — от учителей, родителей, школьников.

— Дети пишут. Тысячи писем от детей. Я всегда отвечаю детям. Очень трогательные письма. На одном письме было написано: «Нью-Йорк. Мисс Баррет». Вообще дети часто обращаются ко мне по имени героини повести. Одни пишут, что это про их школу, спрашивают: «Как Вы узнали, что мать меня не понимает, а учительница даже не помнит, как меня зо-

вут?» Другие интересуются, что стало с Джо Ферроне: «Мы знаем, что книжка выдуманная, но все-таки скажите: что с ним стало потом?»

Читатель, очевидно, не забыл юного бунтаря из повести Бел Кауфман, который всем своим существом протестует против этой школы с ее жестоким равнодушием к детям и бессмысленной регламентацией всей их жизни.

— Я специально не ставила здесь точек над «i». Ну как можно знать, что случается с нашими Джо Ферроне, которых нам не удается удержать в стенах школы. Может быть, он вернулся, может быть, человеком сделался, а может, пропал. В этом вся суть.

Письма, обсуждения романа показывают, что мне, очевидно, удалось дотронуться в нем до какого-то нерва.

Мне говорили: «Школа? Кто будет читать про школу?» А вот стали читать. Возможно, потому, что время пришло обо всем этом сказать, а может, потому, что с юмором сделано. Смех — хорошая дверь, чтобы войти через нее к читателю. Человек сначала посмеется, а потом задумается, хотя бы немножко. В общем-то, конечно, это смех сквозь слезы.

Ну, как тут не вспомнить знаменитого деда Бел Кауфман и его «Рассказы для детей», в которых смех, юмор — и средство самозащиты маленького человека, и выражение его протеста.

Бел Кауфман рассказывает о завещании, оставленном Шоломом Алейхемом, где он просил, чтобы его похоронили среди бедных людей и чтобы поминали его не слезами, а смехом.

— У нас в семье такая традиция: каждый раз в годовщину его смерти мы собираемся, родные, друзья, пьем чай, читаем три-четыре его рассказа, смеемся.

Вообще трудно быть внучкой легенды, признается Бел Кауфман. Однако, судя по ее книге, такой оригинальной и такой нужной людям, она сумела занять в литературе свое собственное место.

— А над чем вы сейчас работаете, миссис Кауфман?

— Пока секрет. В общем, это книга о жизни. Знаете, вторая книга дается гораздо труднее первой, тем более если первая имела успех.

Что я могу рассказать вам об американской молодежи? — Естественно, что автора «Вверх по ведущей вниз лестнице» спрашивают об этом. — У нас, разумеется, как и всюду, молодежь разная. Придет человек, скажем, в Гринвич-вилледж, посмотрит на битников, на хиппи, у него одно впечатление, побывает в университете, услышит выступления против войны во Вьетнаме, против расовой дискриминации — другое, придет в гости в чей-нибудь дом — у него складывается третье впечатление.

Молодежи не нравится многое из того, что сделано нашим поколением. Но каких-либо конструктивных предложений она,

в сущности, не выдвигает. Она сейчас где-то в середине пути...

Очевидно, то, что говорит Бел Кауфман, верно, но в применении не ко всей американской молодежи — ведь молодежь-то в Соединенных Штатах, как только что справедливо отметила сама Бел Кауфман, разная. Впрочем, наша гостья, по всей вероятности, рассказывает лишь о том, что ей знакомо.

— Молодежь ненавидит лицемерие, она хочет равенства, улучшения образования. Молодежь хочет жить иначе, и она протестует. По-моему, это здоровое явление. Это — хорошо.

«Блажен, кто смолоду был молод»... Это, кажется, Пушкин сказал? — спрашивает Бел. — Они знают, что они молоды. — И вдруг Бел Кауфман переходит на ан-

глийский язык: — I love to hear them. I love to see them pushing away all our standards,* — произносит она с жаром. — Я очень верю в нашу молодежь, она — наша надежда, большая надежда.

Когда мы прощаемся с гостьей — ей предстоит еще поездка в Ленинград и в Киев, где она мечтает побывать в доме Шолома Алейхема, в Одессу, — Бел Кауфман опять вспоминает мать:

— Как она была бы рада, если б узнала, что мою книгу напечатали в России, — и добавляет: — Вы меня замечательно перевели, как будто я писала по-русски.

И. ЗОРИНА

* Мне нравится слушать их, смотреть на них. Мне нравится, как они ломают все наши привычные представления.

ЦАРЬ ДЖУНГЛЕЙ БОИТСЯ ЗАЙЦА

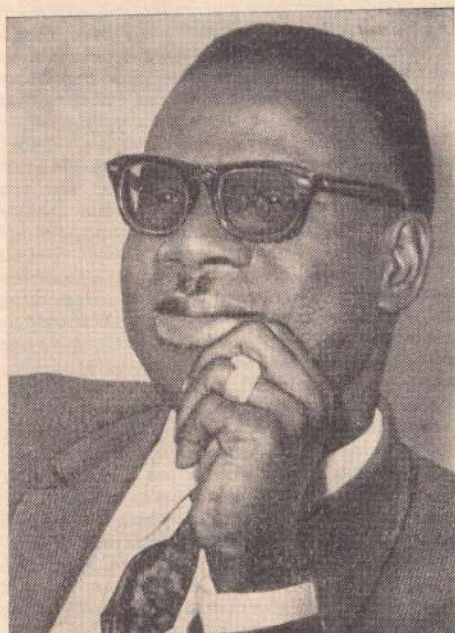
Известной сенегальской легенде рассказывается о Зайце, который, желая защитить себя от многочисленных врагов, обратился к Царю джунглей с просьбой (в те давние времена звери еще умели разговаривать) сделать его мудрым и хитрым. Владыка лесов и саванн ответил, что он может удовлетворить это желание, если Заяц выполнит три условия: добудет молока у пантеры, поймает змею Мамбу и отрежет хвост у носорога М'Бам-Алла.

Царь джунглей хотел посмеяться над беднягой Зайцем, а тот принял его условия всерьез. Спустя немного времени он преподнес своему господину и страшную змею Мамбу, и молоко свирепой пантеры, и хвост буйного носорога. Добился он этого не каким-то чудом, а благодаря собственной смекалке и помощи мудрых друзей.

Когда же настало время выполнить обещание, Царь джунглей сказал: «Раз ты сумел выполнить все три условия, которые я считал невыполнимыми, значит, ты самый хитрый из зверей. Если я дам тебе еще хоть капельку ума, ты станешь сильнее меня. Разве я могу это допустить?»

Заяц понял, что ему не дожидаться милостей от Царя джунглей, и ушел восвояси. Но не бойтесь за него: теперь он сам может постоять за себя.

Герои африканских сказок и легенд явились прообразами современных литературных героев, участников процесса великого преобразования жизни. Одним из таких героев является Клембье — главный

персонаж одноименного романа* Бернара Дадье, недавно приезжавшего в СССР и посетившего нашу редакцию.

Роман «Клембье» во многом автобиографичен. Как и автор, его герой провел детство в бывшей французской колонии Берг Слоновой Кости, а образование завершил за границей. Многие годы жил вдали от родины, служил во французской колониальной администрации. Возвратившись же на Берг Слоновой Кости, он встречается

* Роман вышел в 1964 году в издательстве «Художественная литература».